



Владимир Бенедиктов
Стихотворения 1859–1860 гг.

«Public Domain»

1860

Бенедиктов В. Г.

Стихотворения 1859–1860 гг. / В. Г. Бенедиктов — «Public Domain», 1860

ISBN 978-5-457-18173-1

«Благодарю тебя: меня ты отрывала
От пошлости земной, и, отряхая прах,
С тобой моя душа все в мире забывала
И сладко мучилась в таинственных трудах.
Сначала озарять пир юности кипучей
Влетала ты ко мне в златые дни забав.
Гремя литаврами и бубнами созвучий,
Покровы распахнув и дико разметав
Густые волосы по обнаженной груди...»

ISBN 978-5-457-18173-1

© Бенедиктов В. Г., 1860
© Public Domain, 1860

Содержание

К моей музе	5
Переход	6
После праздника	7
Бахус	8
Остров	10
Письма	13
Неотвязная мысль	14
Грустная песня	17
Несколько строк о Крылове	20
Вечер в саду	23
Поэзия	25
И. А. Гончарову	27
Любительнице спокойствия	28
Dahin	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Григорьевич Бенедиктов

Стихотворения 1859–1860 гг.

К моей музе

Благодарю тебя: меня ты отрывала
От пошлости земной, и, отряхая прах,
С тобой моя душа все в мире забывала
И сладко мучилась в таинственных трудах.
Сначала озарять пир юности кипучей
Влетала ты ко мне в златые дни забав.
Гремя литаврами и бубнами созвучий,
Покровы распахнув и дико разметав
Густые волосы по обнаженной груди.
Тебя так видели и осуждали люди
Нескромность буйную. Порою твой убор
Был слишком прихотлив и оскорблял их взор.
Сказали: он блестящ не в меру, он изыскан,
И амброй чересчур и мускусом напыскан,
И ты казалась им кокеткою пустой,
Продажной прелестью, бездушной красотой.
Мир строг: он осудил твою младую шалость,
Твой бешенный порыв; твоих проступков малость
Он в преступление тяжелое вменил;
Ты скрылась от него, и он тебя забыл.
Но в тишине, в глуши меня ты не забыла,
И в зрелом возрасте мой угол посетила:
Благодарю тебя! – Уже не молода
Ты мне являешься, не так, как в те года,
Одета запросто, застегнута на шею,
Без колец, без серег, но с прежнею своею
Улыбкой, лаской ты сидишь со мной в тиши,
И сладко видеть мне, что ты не без души,
Что мир тебя считал прелестницей минутной
Несправедливо... нет! В разгульности беспутной
Не промотала ты святых даров творца;
Ты не румянила и в юности лица,
Ты от природы так красна была, – и цельный
Кудрявый локон был твой локон неподдельный,
И не носила ты припиленной косы,
Скрученной напрокат и взятой на часы.
О нет, ты не была кокеткою презренной,
И, может быть, ко мне в приязни неизменной,
Переживя меня, старушкой доброй ты
Положишь мне на гроб последние цветы.

Переход

Видали ль вы преображенный лик
Жильца земли в священный миг кончины —
В сей пополам распределенный миг,
Где жизнь глядит на обе половины?

Уж край небес душе полуоткрыт;
Ее глаза туда уж устремились,
А отражать ее бессмертный вид
Черты лица еще не разучились, —

И неземной в них отразился б день
Во всех лучах великого сиянья,
Но те лучи еще сжимает тень
Последнего бессмертного страдания.

Но вот – конец! – Спокоен стал больной.
Спокоен врач. Сама прошла опасность —
Опасность жить. Редает мрак земной,
И мертвый лик воспринимает ясность

Так над землей, глядишь, ни ночь, ни день;
Но холодом вдруг утро засвежело,
Прорезалась рассветая ступень, —
И решено сомнительное дело.

Всмотритесь в лик отшедшего туда,
В известный час он ясностью своею
Торжественно вам, кажется, тогда
Готов сказать: «Я понял! разумею!

Узнал!» – Устам как будто нарушать
Не хочется святыню безглагольства.
А на челе оттиснута печать
Всезнания и вечного довольства.

Здесь, кажется, душа, разоблачась,
Извне глядит на это облачение,
Чтоб в зеркале своем в последний раз
Последних дум проверить выражение.

Но тленье ждет добычи – и летит
Бессмертная, и, бросив тело наше,
Она земным стихиям говорит:
Голодные, возьмите:, это ваше!

После праздника

Недавно был праздник, итак было весело, шумно,
И было так много прекрасных там дев светлокудых,
Что радостью общей и я увлекался безумно.
Оставив беседу мужей и наставников мудрых.

Так часами порой вдаешься в чужое веселье,
И будто бы счастлив, и будто бы сызнава молод;
Но после минувшего пира мне тяжело похмелье,
И в душу вливается все больше язвительный холод.

И после стыжусь я, зачем, изменяя порядку,
Как школьник, не во-время я так шалил и резвился,
И совестно, как бы с жизни я взял грешную взятку,
Как будто неправо чужим я добром поживился.

И голос упрека в душе так пронзительно звонок
И так повторяется тайным, насмешливым эхом,
Что если бы слезы... заплакал бы я, как ребенок!

Нет! Снова смеюсь я, но горьким мучительным смехом.

Бахус

Ух! Как мощен он! Такого
Не споишь, не свалишь с ног:
Толст, а виду неземного
Не утратил; пьян, а строг.
Посмотрите, как он вержет
Взором пламя из очей!
Как он гордо чашу держит, —
Сам не смотрит... Ко там? – Лей!
Льют ему, – и наклонилась
Чаша набок, и струя
Через край перекатилась
И бежит. Внизу дитя —
Мальчик. Стой, не гибни влага
Драгоценная! Плутяга
Мигом голову свою
Через плечи опрокинул,
Алый ротик свой разинул
И подставил под струю,
И хватает, как в просонках,
Что – то лучше молока,
Искры бегают в глазенках,
И багровеет щека.
Тут другой мальчишка: еле
На ногах; посоловели
У него глаза; нет сил;
Сам себя не понимая,
Смотрит мутно. Негодяя
Драть бы, драть бы за ушко!
Ишь – без меры натянулся!
Вот – к сторонке отвернулся,
Грудь назад, вперед брюшко —
И... бесстыдник! Перед вами
Тут же с пьяными глазами
Тигр на шатких уж ногах;
Там вакханка взор свой жадной
Нежит кистью виноградной,
С дикой радостью в очах.
Вот – взгляните на Силена:

С губ отвислых брызжет пена;
Словно чан раскрыл он рот,
И цедя в сей зев просторной
Из амфоры трехведерной
Гроздий сок, – без смыслу пьет,
Глупо пьет, – заране бредит,

На осле едва ль доедет
Он домой... Лишь исполин
Пьет, как следует, один —
Бахус Рубенса! – Избыток
Через край разумно льет
И божественный напиток
Он божественно и пьет.

Остров

Плывут мореходцы – и вдруг озадачен
Их взор выступающим краем земли;
Подъехали: остров! – Но он не означен
На карте; они этот остров нашли,
Открыли; – и в их он владенье по праву
Поступит, усилит страны их державу.

Пристали: там бездна природы красот,
Еще не страдавших от силы воинской, —
Жемчужные горы! Лесами встает
Из гротов коралловых мох исполинской.
Какие растенья! Какие цветы!
Таких еще, смертный, не видывал ты.

Там почва долин и цветных междугорий
Вся сшита из жизни, отжившей едва, —
Из раковин чудных, из масс инфузорий;
Вглядишься в пылинку: пылинка жива;
К цветку ль – великану прохожий нагнулся:
Крылатый цветок мотыльком встрепенулся,

Иль резвою птичкой, и птичка летит
И звонко несется к небесным преддверьям,
И луч всепалящего солнца скользит
По радужным крыльям, по огненным перьям;
Пришлец вдруг испуган извитой змеей:
То стебель ползучий блеснул чешуей.

И видно, как всходит, – и слышно, как дышит
Там каждая травка и каждый лесок;
Там дерево жизни ветвями колышет,
И каплет из трещин живительный сок,
И брызжет, – и тут же другое с ним рядом:
То дерево жизни с убийственным ядом.
И рад мореходец. «Хвала мне и честь! —
Он мыслит. – Вот новость для нашего века —
Земля неизвестная! Все на ней есть
И – слава всевышнему! – нет человека!
Еще здесь дороги себе на просек
Мой ближний» – так мыслит и рад человек.
«А если там дальше и водятся люди
На острове этом прижмем дикарей!
Заспорят: железо направим им в груди
И сдвинем их глубже – в берлоги зверей,
И выстрелы будут на вопль их ответом;

Причем озарим их евангельским светом.

Встречая здесь новые тени и свет,
Потом пусть картины здесь пишет художник
Трудится ученный, и тощий поэт,
Беснуясь, восходит на шаткий треножник!
Нам надобно дело: все прочее блажь.
нам надо, во-первых, чтоб остров был наш.

Мы срежем мохнатые леса опушки;
здесь будет дорога; тут станет наш флот,
Там выстроим крепость и выставим пушки, —
И если отсюда сосед подойдет,
Как силы его ни явились бы крепки,
От вражьей армады останутся щепки

Какую торговлю мы здесь заведем!
Давай потом ездить и в даль и к соседям!
Каких им диговин с собой навезем!
С каким небывалом товарцем подведем!
Вот новая пряность Европе на пир!
Вот новые яды! Пусть кушает мир!»

Земля под ногами гостей шевелится,
Кряхтит или охает: тягостен ей
Под новым животным пришедшим селиться
Средь выросших дико на персях у ней
Животно-кристаллов, Животно-растений,
Полуминералов, полупрозабений.

А гости мечтают: «Хозяева мы.
Без нас – тут дремала пустая природа,
И солнце без нас не умолило б тьмы,
Без пошлин сияя, блестя без дохода,
В бесплодном венце неразумных лучей.

Что солнце, где нет человека очей?»
Но прежде чем здесь пришлецы утвердились,

Другого народа плывут корабли.

Прибывшие в право владений вступились.
У первых с последними споры пошли
«Сей берег впервые не нам ли встречен?» —
«Конечно, – да нами он прежде замечен».

И вот – забелели еще паруса,
И нации новой явились пришельцы:
«Постойте! – приезжих гудят голоса, —

По праву природы не мы ль здесь владельцы?
В соседстве тут наша земля – материк.
Оторванный лоскут ее здесь возник».
В три царства пошли донесенья, как надо,
Об острове чудном; проснулись дворы;
Толкуют о найденном вновь Эльдорадо,
Где золото прыщет из каждой горы;
Волной красноречья хлестнули палаты,
И тонкие скачут на съезд дипломаты.

Съезжаются: сколько ума в головах!
Какая премудрость у них в договорах!
А там между тем в их родимых землях
Готовятся флоты и пушки, и порох —
На случай. Все было средь тех уже дней,
Где эта премудрость казалась верней.

Лишь древность седая, пленяясь витийством
Речей плутоватых, им верить могла;
А впрочем, и древле все тем же убийством,
Войной нареченным, решались дела,
И место давали губительным сценам
Афины со Спартой и Рим с Карфагеном.

И вот за пленительный остров борьба
Как раз бы кровавым котлом закипела,
Но страшное зло отвратила судьба,
И лютая вспыхнуть война не успела:
Тот остров плавучий под бурный разгул,
Однажды средь яростных волн потонул,

Иль, сорван могучим крылом урагана
С подводной, его подпиравшей, скалы,
Умчался в неизвестную даль океана
И скрылся навеки за тучами мглы;
А там еще длились и толки и споры,
Готовились пушки, и шли договоры.

Письма

Послания милой, блаженства уроки,
Прелестные буквы, волшебные строки,
Заветные письма – я вами богат;
Всегда вас читаю, и слезы глотаю,
И знаю насквозь, наизусть, наугад.

Любуюсь я слогом сих нежных посланий;
Не вижу тут жалких крючков препинаний;
В узлах запятых здесь не путаюсь я:
Граматику сердца лишь вижу святую,
Ловлю недомолвки, ошибки целую
И подпись бесценную: «вечно твоя».

Бывало посланник, являясь украдкой,
Вручит мне пакетец, скрепленный облаткой.
Глядь: вензель знакомый. На адрес смотрю:
Так почерк неровен, так сизо чернило,
И ять не на месте... как все это мило! —
«Так это от... знаю»; а сам уж горю.

От друга, я от брата – бегу, как от пугал,
Куда-нибудь в сумрак, куда-нибудь в угол,
Читаю... те смотрят; я дух затая,
Боюсь, что и мысль мою кто-нибудь слышит;
А тут мне вопросы: кто это к вам пишет? —
«Так – старый знакомый. Пустое, друзья»

В глазах моих каждая строчка струится,
И каждая буква, вгляжусь, шевелится,
Прислушаюсь: дышит и шепчет: живи!
Тут брызга с пера – род нечаянной точки —
Родимое пятнышко милой мне щечки
Так живо рисует пред оком любви.

Хранитесь, хранитесь, блаженства уроки,
Без знаков, без точек – заветные строки!
Кто знает? Быть может, под рока грозой,
Когда-нибудь после на каждую строчку
Сих тайных посланий я грустную точку
Поставлю тяжелой, сердечной слезой.

Неотвязная мысль

Как привяжется, как прилепится
К уму – разуму думка праздная,
Мысль докучная в мозг твой вцепится
И клюет его, неотвязная,
И подобная птице – ворону
Так и каркает в самом темени:
Норовлю от ней как бы в сторону,
Говорю: «Пусти! Нету времени.
День рабочий мне начинается
И кончается он заботою»; —
А несносная упирается:
Я с тобой, дескать, поработаю!
И становится мне помехою,
И с помехою той досадною,
Что ни сделаю – все с прорехою
Иль с заплаткою неприглядною.
Вспомнишь прошлое: были случаи —
Сердце юное поразнежится,
Забурлят в уме мысли жгучие,
И одна из них в душу врежется
И займет она всю головушку —
Мысль про тайную ласку дружнюю,
Аль про девушку, аль про вдовушку,
Аль – на грех – беду – про замужнюю,
Да как жаркое сердце свяжется
С этой думкою полубовною —
Вся вселенная тебе кажется
Софьей Павловной; Ольгой Львовною;
Всюду прелести совершенные,
Всюду милые да прекрасные,
Ненаглядные, незабвенные!
В небе Лидии очи ясные
Во звездах тебе зажигаются,
Ветерок звенит Маши голосом,
Ветки дерева завиваются
Насти локонов мягким волосом;
Стих горит в уме с рифмой бешеной —
Стих, откованный сердца молотом;
На людей глядит, как помешанной;
Мишуру дают – платишь золотом.
Дело прошлое! Дело древности!
Сколько дел моих ты расстроило!
Сколько было там глупой ревности!..
Да с любовью – то хоть уж стоило
Побезумствовать, покуражиться;

А теперь – то что? – Словно старая
Баба хилая, мысль привяжется
Худощавая, сухопарая;
С теми ль встретишься, с кем ты водишься, —
Речь их сладкая – мед малиновый,
Ты уж словце сказать не находишься!
Как чурбан какой, пень осиновый,
С головою своей бесталанною
Дураком стоишь, заминаешься,
И на мысль свою окаянную
Всеми силами ополчаешься;
Гонишь прочь ее речью грубою:
«Вон из Питера! В подмосковную!
Не сравню ж тебя я, беззубую,
С Софьей Павловной, с Ольгой Львовною.
Отцепись же ты, сухопарая,
Неотвязная, безотходная!
Убирайся прочь, баба старая!
Фекла Савишна ты негодная!»
Я гоню ее с криком, топотом,
Не стихом кричу – прозой рубленной,
А она в ответ полусшепотом:
«Не узнал меня, мой возлюбленной!
А все та же я, только смолоду
Я жила с тобой в женской прелести,
Но прибавилось в жизни холоду —
И осунулись бабьи челюсти;
Целовать меня не потянешься,
Счастья дать тебе не могушую,
Да зато во мне не обманешься,
Говорю тебе правду сущую,
И служу тебе верной парюю,
И угрюмая, и суровая,
За тобой хожу бабой старою,
А за мной идет баба новая:
В белизне она появляется,
И суха, суха – одни косточки,
А идет она – ухмыляется,
А коса у ней вместо тросточки.
То не та коса благовонная,
Что, обвитая лентой тонкою
И тройным жгутом заплетенная,
Гордо держится под гребенкою,
Что сушит, крушит сердце юноши,
Что – корона днем самопышная,
А рассыплется до полуночи —
Покрывало сбрось: вещь излишняя!
Для двоих тут есть чем закутаться,
Да останется – сердцу ярому,

Чем на век еще перепутаться
И веревку вить мужу старому.
То не та коса! – как свистящая
Сабля острая, круто – гнутая,
То коса всех кос, всекосящая;
С той косой идет баба лютая.
Нет кудрей у ней – нечем встряхивать,
Голова у ней безволосая,
Лишь косой вертеть да помахивать
Любит бабушка та курносая».

Грустная песня

Плохо! Чем живетсЯ доле,
Тем живетсЯ хуже.
ПриютисЯ б в горькой доле
Сердцем, – да к кому же?

Бродишь старым сиротою;
Все мне как – то чужды;
Как живу и что со мною —
Никому нет нужды.

Есть у божьей церкви, с краю,
Тихая могила.
Там лежит одна, я знаю:
Та меня любила.

Не за то чтоб точно было
Все во мне так мило,
А за то любила,
Что меня родила.

Изнуренная, больная,
Дряхлая, бывало,
Тужишь, ищешь, ты родная:
«Где дитя пропало?»

А сынок твой одурелый
Рыскал все по свету,
Смотришь: нет его день целый
Да и к ночи нету.

Бедной матери не спится;
Слез полна подушка:
«Мало ль может что случиться? —
Думает старушка. —
Страшен ворог неключимый
В эдакую пору.
Не попался ли родимый
Лиходею – вору?

Не ограбили ли сына?
Жив ли он, желанный?»
Чу! Идет домой детина,
Словно окаянный, —

Встрепан, бледен, смотрит дико,

Волос в беспорядке, —
Сам трясется весь... поди-ка:
Верно в лихорадке!

Да, он болен, он расслаблен,
Он ужален змеем,
А пожалуй и ограблен —
Только не злодеем,

А разбойницей – злодейкой,
Резвою девчонкой,
С черной бровью, с белой шейкой.
С трелью речи звонкой.

Лишь закинула словечко —
И поддела разом
Из груди его сердечко,
Из под шапки разум;

Всю в нем душу возмутила
Дьявольским соблазном
И домой его пустила
В виде безобразном.

А сама... и горя мало!
Жалости не крошки!
Так и пляшет с кем попало,
Только брызжут ножки.

Я ж лежу, горю и таю,
Думаю: кончина!
И за грудь себя хватаю —
То – то дурачина!
Мать горюет; слезы сжаты;
Смотрит на больного,
Говорит: «Напейся мяты
Иль чайку грудного!» —

«Эх, родная! – отвечаю: —
Что тут чай и мята,
Где отрады я не чаю,
Где душа измята?»

Чу! звонят. Гляжу: могила!
И мой жребий понят.
Лишь одна меня любила,
Да и ту хоронят.

И замкнулася тоскою

Жизнь моя блажная.
Ты зовешь меня к покою.
Подожди, родная!

Несколько строк о Крылове (При воздвигнутом ему памятнике)

Довольно и беглого взгляда:
Воссел – вы узнали без слов —
Средь зелени Летнего Сада
Отлитый из бронзы Крылов,
И, видимо, в думе глубок он,
И чтоб то дума была —
Подслушать навесился локон
На умную складку чела.
Разогнута книга; страницу
Открыл себе дедушка наш,
И ловко на льва и лисицу
Намечен его карандаш.
У ног баснописца во славе
Рассыпан зверей его мир:
Квартет в его полном составе,
Ворона, добывшая сыр,
И львы и болотные твари,
Петух над жемчужным зерном,
Мартышек лукавые хари,
Барашки с пушистым руном.
Не вся ль тут живность предстала
Металлом себя облила
И группами вокруг пьедестала
К ногам чародея легла?

Вы помните, люди: меж вами
Жил этот мастистый старик,
Правдивых уроков словами
И жизненным смыслом велик.
Как меткий был взгляд его ясен!
Какие он вам истины он
Развертывал в образах басен,
На притчи творцом умудрен!
Умел же он истины эти
В такие одежды облечь,
Что разом смекали и дети,
О чем ведет дедушка речь.
Представил он матушке-Руси
Рассказ про гусиных детей,
И слушали глупые гуси —
Потомки великих гусей.
При басне его о соседе
Сосед на соседа кивал,

А притчу о Мишке-медведе
С улыбкой сам Мишка читал.
Приятно и всем безобидно
Жил дедушка, правду рубя.
Иной... да ведь это же стыдно
Узнать в побасенке себя!
И кто предъявил бы, что колки
Намеки его на волков,
Тот сам напросился бы в волки,
Признался, что сам он таков.
Он создал особое царство,
Где умного деда перо
Карало и злость и коварство,
Венчая святое добро.
То царство звериного рода:
Все лев иль орел его царь,
Какой-нибудь слон воевода,
Плутовка-лиса – секретарь;
Там жадная щука – исправник,
А с парой поддельных ушей
Всеобщий знакомец – наставник,
И набран совет из мышей.
Ведь, кажется, всё небылицы:
С котлом так дружится горшок,
И сшитый из старой тряпицы
В великом почёте мешок;
Там есть говорящие реки
И в споре с ручьём водопад,
И словно как мы – человеки —
Там камни, пруды говорят.
Кажись баснописец усвоил,
Чего в нашем мире и нет;
Подумаешь – старец построил
Какой фантастический свет,
А после, когда оглядишься,
Захваченной деда стихом,
И в бездну житейского толка
Найдёшь в его складных речах:
Увидишь двуногого волка
с ягнёнком на двух же ногах:
Там в перьях павлиньих по моде
Воронья распущена спесь,
А вот и осёл в огороде:
«Здорово, приятель, ты здесь?»
Увидишь тех в горьких утехах,
А эту в почётной тоске:
Беззубую белку в орехах
И пляшущих рыб на песке,
И взор наблюдателей встретит

Там – рыльце в пушку, там – судью,
Что дел не касаяся, метит
На первое место в раю.
Мы все в этих баснях; нам больно
Признаться, но в хоть займы
Крыловскую правду, невольно,
Как вол здесь мычу я: «и мы!»
Сам грешен я всем возвещаю:
Нередко читая стихи,
Друзей я котлом угощаю,
Демьяновой страшной ухи.

Довольно и беглого взгляда:
Воссел – вы узнали без слов —
Средь зелени Летнего Сада
Отлитый из бронзы Крылов, —
И станут мелькать мимоходом
Пред ликом певца своего
С текущим в аллее народом
Ходячие басни его:
Пойдут в человеческих лицах
Козлы, обезьяны в очках;
Подъедут и львы в колесницах
На скачущих бурно конях;
Примчатся в каретах кукушки,
Рогатые звери придут,
На памятник деда лягушки,
Вздуваясь, лорнет наведут, —
И в Клодта живых изваяньях
Увидят подобья свои,
И в сладостных дам замечаньях
Радастся: «mais oui, c'est joli»
Порой подойдёт к великану
И серый кафтан с бородой
И скажет другому кафтану:
«Митюха, сынишко ты мой
Читает про Мишку, мартышку
Давно уж, – понятлив, хоть мал:
На память всю вызубрил книжку,
Что этот старик написал».
О, если б был в силах нагнуться
Бессмертный народу в привет!
О, если б мог хоть улыбнуться
Задумчивый бронзовый дед!
Нет, – тою ж всё думою полный
Над группой звериных голов
Зрим будет недвижимый, безмолвный
Из бронзы отлитый Крылов.

Вечер в саду

Солнце будто б с неохотой
Свой прощальный мечет взгляд
И червонной позолотой
Обливает темный сад.

На скамейке я у стенки
В созерцании сию
И игривые оттенки
Пышной зелени слежу:

Там – висит густым разливом,
Там – так женственно – нежна,
Там – оранжевым отливом
Отзывается она.

Аромат разлит сиренью,
И меж дремлющих ветвей
Свет заигрывает с тенью,
Уступая место ей.

Что – то там – вдали – сквозь ветки
Мне мелькнуло и потом
Притаилось у беседки,
В липах, в сумраке густом.

Что б такое это было —
Я не знаю, но оно
Так легко, воздушно, мило
И, как снег, убелено.

Пронизав летучей струйкой
Темный зелени покров,
Стало там оно статушкой,
Изваянной из паров.

Напрягаю взор нескромный
(Любопытство – спутник наш):
Вот какой – то образ темный
Быстро движется туда ж.

Сумрак гуще. Твердь одета
Серых тучек в бахромы.
То был, мнится, ангел света,
А за ним шел ангел тьмы, —

И, где плотно листьев сетка
Прижимается к стене,
Скрыла встречу их беседка
В ароматной глубине.

И стемнело все. Все виды
В смуглых очерках дрожат,
И внесла звезда Киприды
Яркий луч свой в тихий сад.

Все какой – то веет тайной,
И, как дева из окна,
В прорезь тучки белокрайной
Смотрит робкая луна,

И, как будто что ей видно,
Что в соблазн облечено,
Вдруг прижмурилась... ей стыдно —
И задернула окно.

Чу! Там шорох, шопот, лепет...
То колышутся листки.
Чу! Какой – то слышен трепет...
То ночные мотыльки.

Чу! Вдыхают... Вновь ошибка:
Ветерок сквозит в саду.
Чу! Лобзание... Это рыбка
Звонко плещется в пруду.

Все как будто что играет
В этом мраке и потом
Замирает, замирает
В обаянии ночном, —

И потом – ни лист, ни ветка,
Не качнется; ночь тиха;
Сад спокоен – и беседка
Там – вдали – темна, глуха.

Поэзия

Поэзия! Нет, – ты не чадо мира;
Наш дольный мир родить тебя не мог:
Среди пучин предвечного эфира
В день творчества в тебя облекся бог:

Возникла ты до нашего начала,
Ты в семенах хаоса началась,
В великом ты «да будет» прозвучала
И в дивном «бысть» всемирно разлилась, —

И взятому под божью опеку,
Средь райских грез первых дней весны,
Ты первому явилась человеку
В лице небес, природы и жены.

От звездного нисшедшая чертога
К жильцу земли, в младенческой тиши,
Прямым была ты отраженьем бога
В его очах и в зеркале души.

Готовую нашли тебя народы.
Ты – лучший дар, алмаз в венце даров,
Сладчайший звук в симфонии природы,
Разыгранный оркестром всех миров.

Пал человек, но и в его паденьи
Все с небом ты стоишь лицом к лицу:
Созданья ты к создателю стремленье,
Живой порыв творения к творцу.

Тобою полн, смотря на мир плачевный,
На этот мир, подавленный грехом,
Поэт и царь державно-псалмопевный,
Гремел Давид пророческим стихом,

И таинством любви и искупленья
Сказалась ты всем земнородным вновь,
Когда омыть вину грехопаденья
Должна была святого агнца кровь.

Внушала ты евангелистам строфы,
Достойные учеников Христа,
Когда на мир от высоты Голгофы
Повеяло дыхание креста.

И в наши дни, Адама бедных внуков
Будя сердца, чаруя взор и слух,
Ты, водворясь в мир красок, форм и звуков,
Из дольней тьмы их исторгаешь дух

И служишь им заветной с небом связью:
В твоём огне художнику дано
Лик божества писать цветною грязью
И молнии кидать на полотно.

Скульптор, к твоей допущенный святыне,
Вдруг восстает, могуществом дыша, —
И в земляной бездушной глыбе, в глине
И мраморе горит его душа.

Ты в зодчестве возносишь камень свода
Под звездный свод – к властителю стихий
И в светлый храм грядут толпы народа,
Фронтон гласит: «Благословен грядый!»

Из уст певца течет, благовествуя,
Как колокол гудящий, твой глагол,
И царственно ты блещешь, торжествуя,
Твой скипетр – мысль, а сердце – твой престол.

Порою ты безмолвствуешь в раздумьи,
Когда кругом всемирный поднят шум;
Порой в своем пифическом безумьи
Ты видишь то, чего не видит ум.

На истину ты взором неподкупным
Устремлена, но блеск ее лучей,
Чтоб умягчить и нам явить доступным
Для заспанных, болезненных очей,

Его дронишь в своей ты чудной призме
И, радуги кидая с высоты,
В своих мечтах, в бреде, в сомнамбулизме
Возносишься до провоззренья ты.

Магнитный сон пройдет – и пробужденье
Твое, поэт, печально и темно,
И видишь ты свое произведение,
Не помня, как оно совершено.

И. А. Гончарову

И оснащен, и замыслами полный,
Уже готов фрегат твой растолкнуть
Седых морей дымящиеся волны
И шар земной теченьем обогнуть.

Под бурями возмужествуй упрямо!
Пусть вал визжит у мощного руля!
Вот Азия – мир праотца Адама!
Вот юная Колумбова земля!

И ты свершишь плавающее заезды
В те древние и новые места,
Где в небесах другие блещут звезды,
Где свет лиет созвездие Креста

Поклон ему! Взгляни, как триумфатор,
На сей трофей в хоругвях облаков,
Пересеки и тропик и экватор —
И отпируй сей праздник моряков!

И если бы тебе под небесами
Неведомых антиподов пришлось
Переверстаться с здешними друзьями
Ногами в ноги, головами врозь,

То не роняй отрады помышленья,
Что и вдали сердечный слышен глас,
Что не одни лишь узы тяготенья
Всемирного соединяют нас.
Лети! – И что внушит тебе природа
Тех чудных стран, – на пользу и добро
Пусть передаст, в честь русского народа,
Нам твой рассказ и славное перо!
Прости! Вернись и живо и здорово
В суровые приневские края,
И радостно обнимут Гончарова
И Майковы, и все его друзья.

Любительнице спокойствия

Ты говоришь – спокойствие дороже
Тебе всего, всей прелести мирской, —
И рад бы я быть вечно настороже,
Чтоб охранять твой женственный покой,
Чтобы неслись тревоги жизни мимо,
А ты на них смотрела бы шутя,
Меж сладких грез, легко, невозмутимо,
Как милое, беспечное дитя.
Когда толпа рушителей покоя
Со всех сторон несносная шумит,
Я, над твоим успокоеньем стоя,
Мигал бы им: тс! Не шумите: спит.
Но иногда чтоб цену лишь умножить
Спокойствия в глазах твоих, – тебя
Порой я сам желал бы потревожить,
Хотя б навлек гнев твой на себя.
Скажу: «Проснись! Мне хочется лазури:
Дай мне на миг взглянуть тебе в глаза!
Как ты спала? Не виделось ли бури
Тебе в мечтах? Не снилась ли гроза?
И не было неловко, душно, знойно
Тебе во сне?» – И молвлю, миг спустя:
«Ну, бог с тобой, мой ангел, спи спокойно!
Усни опять, прелестное дитя!»

Dahin

Была пора: я был безумно – молод,
И пыл страстей мне сердце разжигал;
Когда подчас суровый зимний холод
От севера мне в душу проникал, —
Я думал: есть блаженный юг на свете,
Край светлых гор и золотых долин,
И радостно твердил я вместе с Гете:
Dahin, dahin!

Бывало, я близ девы – чародейки
Горел, немел, не находя речей,
И между тем как ниже белой шейки
Не смел склонить застенчивых очей, —
Фантазии невольным увлеченьем
Смирения нарушив строгий чин,
Я залетал живым воображеньем
Dahin, dahin!

Моя мечта всех благ житейских выше
Казалась мне в бреду минувших дней;
Я громко пел, а там – все тиши, тише,
Я жил тепло, а там – все холодней,
И, наконец, все в вечность укатилось,
Упало в прах с заоблачных вершин,
И, наконец, все это провалилось
Dahin, dahin!

Исчезло все; не стало прежней прыти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.